

Маргарита Южина

Ищи ветра в поле

«Маргарита Южина»

2008

Южина М. Э.

Ищи ветра в поле / М. Э. Южина — «Маргарита Южина», 2008

Нежданно-негаданно скромная труженица фирмы «Улыбка», клоунесса-затейница Людмила Петухова, оказавшись героиней сразу двух телерепортажей, стала звездой телеэкрана. Во всяком случае, так ей показалось. Но... Блистательная жизнь любой звезды имеет свою обратную сторону. В городе вспыхнула эпидемия убийств пожилых женщин, которые были чем-то знамениты, – одна за другой погибли известная фотохудожница, заслуженная учительница... Значит, она, как знаменитость, тоже попадает в группу риска! Так подумала Люся, которой умирать, пусть и в лучах славы, совершенно не хотелось. Вместе со своей незнаменитой подругой Василисой сыщица-затейница решает отыскать дерзкого преступника. И только тогда их любимый город сможет спать спокойно...

© Южина М. Э., 2008

© Маргарита Южина, 2008

Содержание

Глава I	5
Глава II	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Маргарита Южина

Ищи ветра в поле

Глава I

ДАРЫ ВЛЮБЛЕННОГО МАНЬЯКА...

Не каждому в жизни выпадает удача сверкнуть белозубой улыбкой с экрана телевизора. Людмиле Ефимовне Петуховой это удалось, и поэтому уже вторую неделю она чувствовала себя почти кинозвездой. Надо признаться, красотой она никогда не блистала, злые языки утверждали, что и умом тоже, ну да у славы глаз нет, вот и попала скромная, не совсем молодая и яркая Люсенька на TV. Конечно, если говорить откровенно, эфир она украшала собой считанные минуты, зато дважды. За одну неделю. Так случилось, что в первый раз журналистка программы «Наша улица» попросила высказаться прохожих по поводу грязи в подъездах, и в ее поле зрения попала Люся. А во второй раз шустрый парнишка сунул Петуховой микрофон под нос, когда она выходила из магазина.

– Скажите, как вы относитесь к повышению цен?

Неизвестно, какого ответа он ожидал, но женщина разразилась таким пространственным монологом, что юнец искренне пожалел, что обратился именно к ней. И все же в какой-то местной десятиминутной передаче Люсю показали. Именно после этого Людмила ощутила себя весомой личностью, чье мнение так необходимо общественности. Как-то само собой получалось, что дома, проходя мимо зеркала, она начала по-особому вскидывать голову, мудро сдвигать брови к носу и уже всерьез стала подумывать о политической карьере...

– Люсь, слышишь, уже вторую старушку прикончили, – хмуро сообщила подруге Василиса, переворачивая газету. Василиса была верная Люсина подруга, с которой в целях экономии она делила квартиру, еду и интересы. Лет... страшно сказать сколько назад, женщины столкнулись в магазине и крупно повздорили из-за единственного батона колбасы, который выкинула на витрину сердобольная продавщица. Покупательницы вцепились в противоположные концы батона докторской и затеяли «перетягивание» деликатеса. Колбаса к таким нагрузкам была не подготовлена и развалилась на неравные куски. Люсе, помнится, досталось больше. На следующий же день соперницы вновь встретились, теперь уже в больничной палате – обе загремели туда со страшнейшим отравлением. В короткие промежутки времени между перебежками до санузла успели как следует познакомиться. Уже через несколько минут они пришли к выводу, что все мужчины – весьма недалекие создания, раз до сих пор не взяли под свое крыло ни Люсю, ни Василису. У каждой женщины за плечами было какое-то подобие замужества, хотя каждая расписала его как пылкий, сумасшедший роман. Василиса, закатив глаза, поведала, что ее любимого приворожила местная колдунья и бедному ничего не оставалось, как уйти от красавицы невесты прямо в полон к ведьме. Люся же, сморкаясь в носовой платок, сообщила, что ее мужа настигла вражеская пуля и он поэтому героически скончался. Короче, что бы подруги ни говорили, дни свои они влачили в одиночестве. Сводить концы с концами им было очень не просто, поэтому подруги решили временно, пока не наступят лучшие времена, поселиться вместе. Сданная же в аренду лишняя жилплощадь приносила хоть какую-то копейку. Правда, были у подруг еще и дети, но отпрыски уже давно имели свои семьи и жили личными заботами. Лучшие времена где-то подзадержались, и женщины уже даже не думали расставаться. За столько лет они уже прекрасно изучили привычки друг друга и давно научились не ссориться из-за пустяков, а все проблемы решать сообща.

Василисе было далеко за пятьдесят, как, собственно, и Людмиле, а потому заметка об убийстве пожилых женщин вызвала тревожный интерес.

– Ты хочешь узнать мое мнение по этому поводу? – не отрывая взгляда от зеркала, спросила Люся.

Сейчас она пошире распахнула глаза, и ее лицо озарила тихая улыбка. Получилось неплохо, молодежо, и, если бы оператор снимал ее вон с того угла, она могла бы сойти за сорокалетнюю.

– Ну и чего ты скалишься? Я про убийства толкую, а ты сомлеваешь от своей персоны, как престарелая невеста, – грубо прервала грезы подруги Василиса. – Какой-то маньяк убивает женщин, ты что, не слышишь?

– И что? – подозрительно сощурилась Люся. – И что ты мне хочешь сказать? Что мы опять должны в это дело вмешиваться? Даже не думай!

– Я просто подумала, может, сыну позвонить, пусть хоть расскажет, в чем дело, он же как-никак пашет в милиции. А то если разобраться, так мы ведь с тобой тоже не наивные девочки.

– Сыну позвонить? Павлу, да? Узнать, в чем дело?! Да знаю я тебя! Ты сама хочешь этого маньяка заловить, но только с меня хватит! Я хочу жить мирной, спокойной жизнью! Без всякого криминала! И не мешай мне улыбаться!

Василиса растерянно глядела на возмущенную подругу и только беззвучно раскрывала рот. Конечно, было дело, они вляпывались в истории, но это же не повод, чтобы так верещать. А Люсе никак нельзя раздражаться, просто категорически запрещено. И если она вот так вопит, примета верная – жди неприятностей. Василиса глубоко вздохнула и покосилась на газету. Чувствует ее сердце, придется вляпываться в новое следствие.

Тем временем Люся собрала документы, деньги, облачилась в весенний наряд и, поправив беретик, известила:

– Я иду платить за квартиру. Если помнишь, кухня сегодня на тебе.

Погода шалила. То глаза прохожих слепило солнышко, то внезапный ветер поднимал дыбом прически и бросал в лицо грязные фантики. Временами с неба начинали сыпаться капли дождика. Люся успела заскочить в автобус и теперь, зажатая со всех сторон, чувствовала, как что-то острое скребет ее по ноге. Черт, колготки теперь придется похоронить.

– Женщина, садитесь, пожалуйста, – приподнялся сидевший мужчина.

– Право, не стоило беспокоиться, – принялась кокетничать Люся и стремительно заработала локтями, пробираясь к освобожденному месту.

Молодой человек был необычайно мил, пребывая в той поре, которая называется «от пятидесяти до плюс бесконечности». Его при этом нисколько не портила обширная лысина и круглый живот, переходящий в шею. Люся рдела и, может, поэтому не сразу услышала нарастающий рык кондуктора.

– Девушка в лягушачьем плаще, покажите пенсионное удостоверение! Это я вам говорю!! Мальчик, тукни ту бабку с блином на голове... Покажите ваше пенсионное, я к вам обращаюсь!!

Люсю затормошили соседи по транспорту.

– Какое удостоверение?! – гневно сверкнула женщина очами и гордо передала пять рублей.

Настроение было испорчено. Люся не желала больше сидеть под осуждающими взглядами пассажиров и бодро поднялась, готовясь к выходу. Вынырнуть из автобуса удалось не сразу, прямо скажем, пришлось даже проехать лишнюю остановку из-за необъятной дамы, которая своими габаритами прочно заблокировала выход. Люся безрезультатно пинала ее в тыльную часть, пыхтела, пытаясь протиснуться у дамы под локтем, и, наконец, отчаявшись, разразилась бранью.

Теперь Люся вышагивала по направлению к конторе, бурча себе под нос все то, что не успела высказать в вагоне.

– Женщина, это не вы обронули? – окликнула ее молоденькая мамаша с колясочкой, протягивая пенсионное удостоверение.

Да что ж это такое?! Сегодня эта маленькая книжечка так и лезет в глаза! Люся натянуто улыбнулась и сунула документ в сумку. Однако он тут же снова брякнулся на тротуар – на дне ридикюля зияла просторная дыра. Ни документов, ни денег в сумке не было. Люся без сил опустилась прямо на яркую нарядную урну. Так мерзко с ней еще не поступали. Сам собой захлопал нос, а глаза оросились слезами.

– Васенька, – жаловалась она вечером подруге, заливая горе недорогим вином. – Ну посуди сама, у кого брать? У старой, больной, бессильной женщины? У которой на булку хлеба не хватает! Финли!! Оставь колбасу, ты и так сегодня полкило сожрал!! – цыкнула она на кота и продолжала попытки разжалобить подругу, которая кивала головой, увлеченно пялясь в телевизор.

– Да, не любят у нас стариков, не жалеют, – последний раз хлопнула носом Люся и поспешно добавила: – Хорошо, что нам с тобой еще далеко до старости.

Уже поздно вечером, когда подруги сладко спали, оглушительно задребезжал телефон.

– Люся, тебя, – не открывая глаз, покачивалась возле Людмилы Василиса, протягивая ей трубку.

– Алло, это... Людмила Ефимовна Петухова? – В трубке звучал неизвестный старческий голос. – Я сегодня в автобусе нашла ваши документы.

– Мои? Там еще деньги были, неизменная сотня, – спросонья буркнула Люся.

– Да, да, и деньги. Так вот, сегодня уже поздно, а завтра сможете за ними заехать. В семь вечера вас устроит?

– Устроит, куда подъезжать?

– Запишите адрес. Только я вас очень прошу, подойдите вовремя. Я уезжаю по делам, поэтому сразу после встречи с вами отправлюсь на вокзал. Сами понимаете, каждая минута на счету.

– Конечно, не беспокойтесь, ровно в семь я буду возле вашей двери. Вы себе не представляете, какой я пунктуальный человек! – залебезила Люся и, записав адрес, уснула со спокойной душой.

Утром Василиса проснулась от странных звуков. Звуки напоминали вой раненого зверя и доносились со стороны кровати Людмилы Ефимовны.

– Люсенька, что случилось? Врача?

– Уйди, нелюдь, – огрызнулась Людмила. – Знала бы, что так буду мучиться... И как это тебе в голову стукнуло – спортом заняться?

Василиса покаянно вздохнула. Дело в том, что апрель был на исходе и календарь через месяц обещал приход лета. А это время легких платьев и оголенных конечностей. Критически оглядев себя, Василиса пришла к плачевным выводам: кожа и дряблые мышцы – весьма слабое украшение. Вот поэтому позавчера, тряхнув кошельком, Василиса Олеговна притащила в спортзал подругу и бдительно проследила, чтобы она не отлынивала от упражнений. И вот перегруженные мышцы опомнились только сегодня и на все движения откликались болью. Сама Василиса тоже с трудом передвигалась, но не жаловалась.

– Успокойся, все правильно, мышцы и должны ныть. Что же мы, зря потели? Красота требует жертв.

– На фиг такая красота! Ее все равно никто не увидит, я же из дома выйти не могу! – нервничала Люся, растирая ноги.

Василиса мудро молчала: в ее бумажнике таились два билета в бассейн на сегодняшний день, и она надеялась еще поплавать.

После обеда Люсенька двигалась уже вполне сносно и про свои огорчения совсем забыла, когда к ним на минутку забежала Машенька, или Мария Игоревна. Машенька совсем недавно обзавелась двумя приемными сыновьями и теперь прибежала к подругам за советом по каждому поводу. Василиса и Людмила как-никак уже благополучно выпестовали своих детей, а Маша, несмотря на возраст, матерью была неопытной.

– Девочки, вот подскажите, как мальчишек отучить ругаться, а? Чуть что не так, прямо хоть уши затыкай, ничего не могу поделать.

– А ничего и не поделаешь, – обнадежила Василиса. – Вон у нас Люсеньке скоро шестьдесят, а как попадет шлея под хвост – ну самый настоящий сливной бачок. Чего только не наслушаешься.

– А нечего мне про всяких убитых старух трещать! Я еще, между прочим...

– Ой, точно, девочки! Я тоже слышала, – распахнула глаза Маша. – И что это за изверг объявился? Прямо жуть берет, как дальше-то жить?

– Я, например, не считаю себя старухой, мне бояться нечего, – фыркнула Люся и поправила прическу.

– А ты себя видела со стороны? Кожа серая, морщинистая, вся висит... Сейчас лето наступит, вот красоту-то выставишь! – ехидно поддела подругу Василиса.

– Ну так я... вот, спортом увлеклась! Когда нам в спортзал?

– Не знаю. У меня билеты сегодня в бассейн. К пяти. Но ты себя так дурно после занятий чувствуешь...

– Что значит «не знаю»? Да у меня только-только мышцы к нагрузкам начали привыкать... Да я...

В пять часов подруги уже барахтались в голубоватой воде бассейна. Их время почти закончилось, когда Васенька вдруг ни с того ни с сего затрясла губами и рванула в раздевалку.

– Куда ты, Василиса? – окликнула ее Люся, ничего не понимая.

– Утюг! Я его забыла выключить! – бледная как полотно, крикнула Василиса.

Через минуту ее пальто уже мелькнуло за окном. Люся тоже поспешила в раздевалку – какое уж тут плавание, надо было спасать, что еще можно, а главное – любимого кота. Только спасателя из Люси не получилось. Кабинка с вещами встретила ее закрытым замком. Все правильно. Люся самолично отдала ключик Василисе, боясь, что потеряет. Естественно, Васенька напрочь забыла про все ключи, и теперь Люся нагишом топталась возле запертой одежды. Вскоре терпение ее лопнуло, и она обратилась к строгой седой женщине – работнице бассейна.

– У меня ключик от кабинки подруга унесла, у вас случайно запасного нет?

Женщина подняла брови и придирчиво окинула взглядом трясушуюся, хилую фигурку.

– Дубликат, конечно, имеется, но он у заведующей, а ее рабочее время закончилось.

Подождите свою подругу, пусть ключ принесет, мы не можем выдавать ключи кому вздумается.

– Но у нас дома пожар, она не скоро вернется!

– Вы сейчас наговорите! Если пожар у вас, при чем тут подруга?

– Так мы вместе живем!

– Лесбиянки, что ли? – брезгливо оттопырила губу женщина.

– Да вы с ума сошли!

– Нет, это вы сошли! И меня сводите! Садитесь и ждите свою подругу, и нечего ко мне приставать в полуголом виде! Я на ваши прелести не польщусь!

Люсе ничего не оставалось делать, как ждать Василису. А подруга все не появлялась. В душе бедной Людмилы творилось невообразимое. Фантазия рисовала ей одну картинку страшнее другой. К тому же стрелки часов неумолимо подползали к семи, и, если она опоздает, документов ей в ближайшее время не видать. Придется ждать, когда бабуся вернется. Люся металась по раздевалке и, наконец, не выдержав, кинулась обратно к седой женщине.

– У вас телефон-то есть?

– Вот. Только недолго, – буркнула, поджав губы, надзирательница бассейна.

Лихорадочно набрав знакомые цифры, Люся затаила дыхание. Вот сейчас поднимет трубку заплаканная Василиса и сообщит, что... Гудки прервал спокойный голос подруги:

– Алло?

– Вася! Васенька, как вы там?! – закричала в трубку Люся. – Финли жив? А телевизор?

– Люся, ты представляешь, у нас отключили свет, такая радость! Я пришла, а уют совершенно холодный! А ты где? Документы взяла?

– Как же! Я что, по городу в неглиже должна бегать? Ты же ключ от моей кабинки забрала!

– Ой, господи, Люся! Я оставила его на кабинке сверху. Неужели трудно было догадаться?

Ты же...

Но Люся уже ничего не слышала, она ринулась в раздевалку. Так и есть! Вот он, ключик, наверху. Она молниеносно натянула джинсы и свитерок, накинула плащ и понеслась за документами. Конечно, она опаздывала. Вот уже десять минут восьмого, а еще ехать две остановки. И все же, может быть, бабулька ее дождетя...

Записанный адрес найти было нетрудно: дом находился почти у самой остановки... Людмила Ефимовна еще издалека заметила две пожарные машины и милицейский «бобик». Сердце испуганно запрыгало в предчувствии беды, и она, забыв про негнущиеся ноги, спешно засеменяла к подъезду. Вокруг уже собрались стайки из ребятишек, старушек и прочих зевак.

– Скажите, что здесь произошло? – задыхаясь, спросила Люся какую-то женщину с синим тазиком под мышкой.

– Да вот, квартира у Дарьи Семеновны загорелась, – охотно пояснила женщина. – Такая аккуратная старушка была...

– А какая квартира? Номер какой?

– Так пятьдесят восьмая. Дарья Семеновна всю жизнь в ней прожила.

Люся развернула бумажку с адресом. Там четким подчерком было выведено: Красная, четырнадцать, квартира пятьдесят восемь.

– А где сама Дарья Семеновна? – упавшим голосом спросила она. – Увезли в больницу?

– Зачем? Прямоком в морг. Ну, может, еще по пути в милицию заскочут. Сгорела наша соседка.

– А вот и нет! – выкрикнул рыжий веснушчатый мальчишка. – Менты говорят, что ее раньше убили, а потом квартиру подожгли, чтобы скрыть следы преступления.

– Ой, да ты-то откуда знаешь? Сам, что ль, выдумал? – шлепнула паренька по затылку словоохотливая женщина.

– Не я это, а вон тот дядька говорил! А он у них майор, я сам слышал, как он другому базарил, дескать, старушонку сперва пришибли, а потом и подожгли. Рассчитывали, что бабка сразу сгорит, да просчитались. А еще он говорил, что странная вещь получается – о пожаре вроде позвонили соседи, а никто из соседей и не звонил вовсе!

– Иди, балаболка. Вон, девчонкам свои страсти расскажи, – отмахнулась от него женщина.

Пробраться к подъезду незамеченной было невозможно. Туда-сюда сновали люди в милицейской форме, сворачивали длиннющие шланги пожарные... Люся еще некоторое время потопталась в толпе и поехала домой – если документы целы, ее и без того отыщут, а если нет, тогда тем более нечего вертеться около чужой квартиры.

Дома обо всем она рассказала Василисе.

– Ох, не по душе мне это дело, – пробубнила подруга, откладывая вязанье. – Надо Пашке позвонить.

Сын ее Павел Дмитриевич Курицын верой и правдой служил в органах милиции, и лишней раз мать его не беспокоила. Но сегодняшний случай ее всполошил не на шутку, и она потянулась к телефону.

– Лидочка? Пашу позови, пожалуйста, – попросила она невестку. – Ах, его нет... А когда будет?... Вон как... А у вас как дела?

Выслушав получасовой доклад о состоянии дел в семье, Василиса положила трубку.

– Паши дома нет, когда вернется, неизвестно. Вот ведь какая неприятность – перед самым Первым мая такое несправедливое происшествие, – бубнила она.

Первомай подружки отмечали по старинке – весело, бурно, с песней «Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля...». А как петь такую легкую и радостную песню, если у тебя совершенно нет документов, а тот, кто их нашел, умудрился погибнуть прямо накануне гулянья – двадцать девятого апреля!

– Вася, ты не волнуйся, я все замечательно придумала, – успокаивала подругу Люся. – Давай немного подождем, если документы не объявятся, я сделаю новые. А про это недоразумение просто забудем.

– Давай попробуем. Только ты теперь будь внимательнее и осторожней, обещаешь?

– Клянусь... твоим здоровьем.

Поздно вечером позвонил Паша и сухим, командным голосом приказал:

– По одной не ходить, вечером никуда не бегать. Никакого легкомыслия – в районе действует маньяк, который интересуется исключительно дамами пожилого возраста. И не вздумайте мне доказывать, что у вас еще пора молодости!

– Наглец! – фыркнула Василиса и отсоединилась.

Где-то глубоко внутри зашевелилась тревога. Пришлось залить ее рюмочкой винца и уже спокойно отойти ко сну.

Грянули майские праздники – сначала отмечали День мира и труда, а потом незаметно пролетел и День Победы. Звонки знакомых, друзей, праздничные телепередачи и душевные застолья захватили подруг. Обо всем плохом как-то забылось, и теперь их головы были забиты исключительно рецептами оригинальных салатов, яркими воспоминаниями о подарках. Жалко было, что праздники быстро кончились. Еще беспокоила Ольга – единственная дочь Люси. Как там ей праздновалось в чужом городе? Она совсем недавно уехала в Москву и обещала вернуться только к сентябрю. Маминим заботам она доверила свою квартиру и обилие домашних цветов, которые Люся время от времени ходила поливать. Правда, теперь, со всеми этими праздниками, она совсем про них забыла. Вспомнила лишь тогда, когда подружки возвращались от гостеприимной Марии.

– Вася, вот за этим углом Олин дом, пойдем цветочки польем, а? – вдруг попросила Люся.

– Уже бесполезно. Какие цветочки столько без воды выдержат? Засохли уже, – отмахнулась Василиса.

– Тебе трудно, да? Посмотри, какая замечательная погода! И спать совсем не хочется. Сегодня какой праздник отмечали? День Победы? Вот и победи свою лень.

– Праздник был вчера, а сегодня...

– Пошли, говорю! Польем цветы по-человечески, а то сама напилась, а им фигу?

Василиса упиралась недолго. Цветочки, так цветочки. Домой идти все равно не хотелось, так славно было на улице. То и дело попадались пьяные, орущие компании, деловито бегали собаки, заглядывая друг другу под хвосты, звенели первые комары, и пахло весной. Зато в Олиной квартире запах был неприятный.

– Люсь, ты хоть бы мусор вынесла, – сморщилась Василиса.

– Откуда тут мусор? Оля его вынесла еще... Ва-а-ась!! Ой!! Кто это?!!

В кресле сидела женщина, сложив руки на коленях и опустив голову.

– Вы кто? Как сюда попали? – тряхнула ее за плечо Василиса и с ужасом отпрянула – женщина стала медленно заваливаться на бок. Она была мертва.

В углу брошенной собачонкой скулила Люся, зажимая руками рот. Праздничный хмель мгновенно улетучился, бояться и выть не было времени, поэтому Василиса предложила первое, что пришло в голову:

– Бабулю завернем в тот плед и оттащим на лавочку, к первому подъезду. Там ее утром сразу найдут. Потом будем думать. Да, и открой балкон!

Пока Люся раскрывала балкон, форточки и все окна, Василиса свалила тело на плед.

– Берись.

– Не... Вася, я... – блеяла Люся, боясь приблизиться.

– Быстро! А то я вас местами поменяю. Хватайся за концы пледа.

– А вдруг кто-нибудь увидит?

– Мы осторожно. И сейчас такое время, когда ходят только пьяные и влюбленные. И те и другие ничего вокруг не замечают. Пошли.

Спустились вниз без приключений. Едва переставляя ноги, доперли ношу до первого подъезда.

– Заходи в подвал, – командовала Василиса.

– Ты же говорила... – сопела от натуги Люся.

– Давай в подвал, нашла время для дискуссий! – яростно шипела подруга.

Затащив покойницу в подвал, Василиса выдернула плед.

– Зачем ты его берешь? – удивилась Люся. – Я все равно теперь на нем спать не буду...

– А тебя никто и не заставляет. Просто лишние улики убираю. Вдруг какая из соседок Олин плед узнает? Не отмоешься. Пошли к Ольге.

Вернувшись в квартиру, Люся кинулась в ванную за ведром и тряпкой.

– погоди, ничего не трогай. Давай все как следует осмотрим.

Подруги оглядели комнату.

– Вон, смотри, у Вовкиной штанги блин откручен, – вдруг заметила Люся.

Володя приходился ей гражданским зятем, вел здоровый образ жизни и по утрам разминался со штангой. Теперь с одного конца штанги блина не хватало.

– А ты точно знаешь, что его раньше не открутили?

– Точно. Вовчик у нас нормальный спортсмен, и штанга у него новая. Он за нее две тысячи отдавал. Что же, ты думаешь, он за такие деньги себе недоделанную бы купил? – рассуждала Люся. – Я еще понимаю, если бы эта железяка валялась рядом, а то ведь нет ее.

Блина на самом деле нигде не было. Подруги облазили уже каждый уголок – ничего. Целый час потратили на уборку квартиры. Брезгливая Люся перемыла все с отбеливателем, а Василиса не уставала жечь спички, искореняя неприятный запах. Скоро квартира засияла, зато за окнами царил непроглядная тьма.

– Домой пойдем или здесь переночуем? – спросила Люся.

– Домой.

Идти по темной улице было страшно, но совсем уж не хотелось оставаться в комнате, где неизвестно сколько времени просидел труп. Поэтому подруги рванули к родному дому мелкой трусцой, постоянно оглядываясь и все время прибавляя скорость. По дороге в каком-то дворе запахали плед в мусорный бак и еще быстрее припустили до дому. Опомнились только тогда, когда за ними плотно захлопнулась дверь. Отдышавшись и поочередно приняв ванну, теперь женщины сидели на кухне за столом, раскрасневшиеся и чуть успокоенные.

– Скажи мне, Василиса, что нам помешало вызвать милицию? Зачем мы таскались с этой несчастной старушкой по подвалам?

– Да это я, дура, испугалась. Думаю, Пашки нет, вызовешь кого-нибудь незнакомого, а от нас разит, как от винзавода. Иди потом, доказывай, что это не мы ее нечаянно прикончили. Была бы трезвая, ни за что такое бы в голову не пришло.

– Ну что ж, не тащить же обратно... Это же надо! За две недели со вторым трупом сталквиваемся! Это неспроста, давай думать, какая это сволочь подсунула нам подкидыша. – Люся решительно хлопнула ладошкой по столу.

– Не нам, а вам, – корректно поправила Василиса.

– Мне? А ты думаешь, кому-то не дает спать моя телевизионная слава?

– В некотором роде. Понимаешь, в районе действует маньяк. Он зачем-то регулярно избавляется от старушек. Причем, заметь, никто не знает, что его в них бесит. А тут ты, немолодая, надо сказать, особа, дважды мелькнула на экране. Может, ему в тебе что-то и не понравилось.

– Ни фиги! Как раз понравилось. Он же меня не убивает, а, наоборот, подсовывает убитые жертвы. Эдакое жертвоприношение на алтарь любви, как тебе? – пришла в восторг от собственной догадки Люся.

– По мне, так лучше деньгами. И все же опять не получается. Если какой-то сумасшедший и правда в тебя втюрился, к чему тогда пожар у той первой потерпевшей? Вспомни еще раз тот звонок. Кто с тобой говорил?

– По голосу это была старая женщина, просила прийти ровно в семь, потому что у нее какие-то дела были. Слушай, а может, она сама подожглась нечаянно? Ну, спичку уронила, я не знаю, газ зажгла неправильно?

– А потом и убились с горя? Тебе же мальчонка ясно говорил, ее сначала убили и только потом подожгли, чтобы скрыть следы. Я вообще думаю, кто-то упорно пытается тебя подставить. Если бы ты в семь пришла и в комнату вошла, тебя бы как раз милиция и прихватила. Это просто счастье твое, что ты опоздала.

– Да ну... – недоверчиво проговорила Люся. – Ну заявила бы я в семь, и кто бы мне открыл?

– Скорее всего, дверь была бы открыта. Так во всех фильмах показывают. Ты бы, конечно, вошла. А тут и ребятки! Ты не забыла? Их ведь тоже кто-то вызвал. Причем не соседи, хотя и от их имени. А еще хочу обратить твое внимание, что из милиции тебе никто не звонил, значит, документов не нашли.

– Может, плохо искали? – все еще надеялась Люся.

– Да не было там ничего, понятно? Я же тебе объясняю – тебя подставили. И если...

– Я все поняла. Только скажи, откуда они взяли мои документы? Выкрали? Точно! Выкрали! И сумку мою поэтому разрезали. Слушай, они следили за мной, что ли?

– Ну, наконец-то! Пыжилась, пыжилась и догадалась. – Василиса поднялась и плеснула себе в кружку свежесваренного чая, потом, не задумываясь, затолкала в рот сразу две конфеты и продолжала: – Не хочу тебя пугать, Люсенька, но то, что они, вернее, он – маньяк работает в одиночку – за тобой следил, это уже не так страшно. Хуже то, что он прекрасно знает, где ты живешь, где живет твоя дочь. Знает, что ты туда регулярно приходишь. Не зря ведь он несчастную старушку оставил тебя дожидаться.

– А почему в этот раз милицию не вызвал?

– Не знаю... – задумалась Василиса и отправила в рот еще парочку конфет.

Возле ног у подруг крутился грузный кот Финли. Он недвусмысленно намекал хозяйкам, что в честь праздничка можно было бы и мясом его побаловать. Только умы хозяйские кошачьих намеков не понимали, и тогда котяра, потеряв терпение, вспрыгнул на стол и оглушительно завопил дурным голосом. Любая хозяйка столкнула бы наглеца на пол, но только не Люся с Василисой. Они тут же забыли про все свои тревоги и кинулись наполнять пустую кошачью миску чем попало – мясом, консервированными крабами, оставшимися от застолья, и кусочками «Роял конина». Финли удовлетворенно вякнул и спрыгнул со стола. Теперь беседа подруг продолжилась в более решительных тонах.

– Значит, так, сейчас позвоним Вите Потапову, – схватила Василиса трубку.

Витя Потапов был Пашкиным близким другом, они вместе работали в милиции, охраняя мир и спокойствие граждан. Василиса частенько, когда сын был особенно не в духе, звонила Вите и узнавала кое-какие мелочи. Например, как можно, не нарушая закона, переломать ноги надоевшему пьянице Митьке, который вечно загаживает подъезд. Витя Потапов в отличие от родного сынка никогда от женщины не отмахивался, а на все вопросы отвечал терпеливо и спокойно. По возможности. Поэтому Василиса звонила ему частенько, и не только на работу, но и домой.

– А зачем нам звонить Потапову? – не поняла Люся.

– У него на телефоне нет определителя, откуда звонят – не узнает. Ты, Люсенька, сообщишь, что в подвале Олиного дома милицию ждет труп бабушки.

– А почему это я?

– Он твой голос не знает. А завтра я сама схожу в милицию и расспрошу у Пашки про этих старушек.

– А если не скажет? Опять начнем частное расследование?

– Нам ничего не остается. Надо как можно скорее узнать, кто и какую игру с тобой затеял. А у Ольги в квартире поставим сигнализацию.

Как правило, если на смену растерянности приходит твердое решение, на душе поселяется спокойствие, а в кровати – крепкий сон. Василиса придерживалась подобных правил, а вот Люся никак не могла сомкнуть глаз. После звонка Потапову ее волновал вопрос: кому же она так сумела насолить? У нее и врагов-то никогда не было. Если, конечно, не считать Томку со второго этажа. Эта развязная девица постоянно швыряет окурки в окно, и однажды ее недокурная сигарета попала Люсе, проходившей в ту минуту под окнами, на шляпу. Сигарета тлела до тех пор, пока какой-то прохожий не обратил внимание:

– Женщина, у вас мозги дымятся.

Шляпа погибла, а Люся Томке в отместку на чистых простынях, которые подлая соседка вывесила на улице, маркером написала: «Осторожно, СПИД!» Или, может быть, Сонька-однокурсница? Люся тогда отказалась играть на баяне на юбилее ее отца. Так Сонька сама виновата: пригласила петь песни, а отец глухонемой. У него и друзья такие же – глухие тетери. Ну петь бы куда ни шло, и руками можно. Но музыку-то как передашь? Ноты ему, что ли, рисовать? А может, старая карга Шишковская? Она Олиным собакам под дверь отравленное мясо бросала, пока Люся не прислала ей конверт с зубным порошком. Старая гримза регулярно просматривала новости Центрального телевидения и сразу же решила, что недоброжелатели хотят отравить ее заморской заразой. Кстати, что в конверте был всего лишь зубной порошок, выяснилось довольно скоро. Но с тех пор Шишковская забыла про злобные выходки и теперь считается довольно сносной жилицей. Больше врагов не припоминалось. Однако и эти на маньяка не тянули.

Никто так виртуозно не может испортить настроение, как ближайшая подруга.

– Люся, смотри, снова о тебе по телику, – толкнула Людмилу Василиса с утра пораньше. Люся выскочила из кровати, как чертик из табакерки.

На экране миленькая дикторша освещала последние события края.

– И снова жителей нашего города потрясло жестокое преступление. Этой ночью на улице Тополиной был обнаружен труп пожилой женщины. Уже четвертый за этот месяц. Местные органы не сомневаются, что в районе действует маньяк. Поэтому убедительная просьба...

Дальше дикторша уговаривала старушек соблюдать все меры безопасности, никому не открывать двери, поздно не прогуливаться и по возможности записаться в секцию самбо.

– И где тут обо мне? – одарила Люся подругу ненавидящим взглядом. – Надень очки, посмотри, это же про ту старушку, которую мы ночью тащили.

– Вот, правильно: «мы», – значит, и тебя касается. Хватит валяться, пойдем к Потапову, пусть он нам расскажет, что знает.

– А почему не к Пашке? – Люся совсем не была знакома с Пашкиным другом и довериться первому попавшемуся милиционеру не спешила.

– Ага, к Пашке! Он и рассказывать ничего не станет. Еще раз рявкнет, чтобы мы по ночам не шарахались, и для пушного спокойствия приведет Наденьку и Катю. Тогда уж точно нам ничего не узнать.

Наденька и Катя были Пашиными дочерьми дошкольного возраста, а совсем недавно у него родилась третья девочка. Конечно, он хотел мальчика. Однако после того, как в роддоме все перепутали и сообщили папаше, что у него двойня, бедняга впоследствии был рад и девочке. Ну а поскольку малышка требовала внимания, старших девочек он частенько сбавивал своей матери, то бишь Василисе.

– Правильно, к Пашке нельзя, он нам всю работу загубит, – согласилась Люся и пошла собираться.

Витю Потапова они нашли без труда. Тот сидел в маленьком прокуренном кабинете и ругался с кем-то по телефону. Виктор находился в относительно молодой поре, верил в свои силы и правосудие, а посему занимался любимой работой с пылом и рвением. В данный момент парень кого-то самозабвенно крыл матом и брызгал слюной в телефонную трубку. Увидев двух женщин, Витя кивнул на единственный стул и продолжал кого-то распекать. Подруги продолжали стоять: практика показывала, что так на людей быстрее обращают внимание. Витя и правда через двадцать минут бросил трубку и широко улыбнулся.

– Василиса Олеговна! Вы к нам? Какими судьбами?

– Витенька, расскажи нам, миленький, что это за старушки такие, которые гибнут где попало? Пашка ведь ничего не говорит, только рычит, чтобы дома сидели, а всю-то жизнь под замком не просидишь. Ну и, опять же, лишних приключений на свою голову не хочется, – заламывая руки, упрашивала Василиса.

Голос ее был таким жалобным, лицо искажено страданием, и парень сдался.

– Посидите минутку, я сейчас, – вздохнул он и выбежал из кабинета.

– Павел Дмитриевич, Паша! Там твоя мать пришла, – вбежал он к другу в соседний кабинет.

– Так быстро?

– Паш, она очень волнуется. С ней еще женщина, маленькая такая, плюгавенькая.

– Это тетя Люся, – не отрываясь от бумаг, пояснил Павел.

– Так это... Они трупами интересуются.

– А как же! А ты думал, они солеными помидорами у нас интересоваться станут?

– Нет, а что им сказать-то? Знаешь, надо их как-нибудь того... успокоить. Может, ты сам?

Паша на минутку отложил ручку и уставился в окно. Потом его глаза хитро засветились.

– Вот что, если они так сильно хотят, отправь их к Кадецкой. Она этим делом занимается, сможет толково объяснить, что к чему. Кстати, я даже не удивлюсь, если наши бабушки решили сами разобраться в данном происшествии... Чего ты так подпрыгнул? Они могут. И, между прочим, иногда и в самом деле что-то находят. И что хуже всего – запрещать им это бесполезно, пробовал...

– А если их в камеру для безопасности? – выпучил глаза Витька. – Условия, конечно, не курортные, зато спокойнее.

– Ты крышу-то чини! Чего это мы мою мать с ее подругой – в камеру? Я же тебе говорю – отправь к Кадецкой, а ее предупреди, пусть возьмет под свой контроль теток. Думаю, они много хлопот не доставят, им раз в неделю задания давать – и они в лепешку расшибутся, а потом еще полгода над отчетами станут корпеть. Ирине это сейчас полезно будет.

– Да, верно, – затряс головой Потапов и понесся хлопотать.

Теперь он бежал по коридору к Кадецкой. В конце концов, она этим делом занимается, так вот пусть и поработает с народом. У дверей кабинета Ирины Григорьевны толпились люди, значит, она была на месте.

– Ирина, там мать Павла пришла, просит объяснить ей, что случилось с той женщиной на Тополиной. Волнуются тетеньки. Они живут недалеко, вы уж успокойте, как женщина.

– Странно, почему Павел сам с ней не поговорит? Хотя... отправляй, поговорю.

Обрадованный Потапов выскользнул за дверь, а Кадецкая только покачала головой. Никому нет дела до пожилых людей. Даже объясниться с ними никто не хочет. Понятно, старушки волнуются. И ведь живет же где-то изверг, у которого рука на старость поднимается!

– Все, договорился, – влетел Потапов в кабинет. – Идите, она ждет вас.

– Кто это она?

– Кадецкая Ирина Григорьевна. Она как раз по этому делу работает, вот и расскажет вам все подробности, опишет, так сказать, положение вещей. Вам ведь не просто болтовня нужна, да? Вот и получите факты. Конечно, кое-что она не сообщит, но вы должны понимать – интересы следствия. Сейчас по коридору и направо, – выпроводил гостей Потапов и окунулся в пучину работы.

Подруги прошли по коридору.

– Пойдем-ка, зайдем в дамскую комнату, – предложила Василиса. – Не хочется, чтобы женщина думала, что у Павла мать сирая да убогая. Хоть в какой-то порядок себя приведем. Я, например, губы накрасу, только вчера помаду купила.

Люся с досады крикнула. Так всегда! Только намечается серьезный разговор, как Василиса сразу же вспоминает о своей внешности. После посещения туалета подругам пришлось немало побегать по коридору, прежде чем отыскался нужный кабинет. Поговорить с Ириной Григорьевной оказалось достаточно много желающих, и у ее двери сидели и стояли граждане разных возрастов и социальных прослоек. Им пришлось, повыше задрав головы, бессовестно процокать каблучками в нужный кабинет, невзирая на очередь...

– Эй, красавицы! Вы куда это? Сейчас я пойду, – вскочил мужичок в женской кофте со стойким ароматом перегара.

– В чем дело, гражданин? – сверкнула очами Василиса. – Мы – инспектора по делам несовершеннолетних, к Ирине Григорьевне за документами. Вы – трудный подросток? Нет? Тогда успокойтесь!

– Так бы сразу и сказали, а то «гражданин»! – осел мужик.

Кадецкой оказалась женщина лет тридцати двух, очень приятной внешности.

– Ирина Григорьевна, мы к вам по поводу убитых старушек. Я – Василиса Олеговна Курицына, а это Людмила Ефимовна...

– Знаю, знаю, так что вы хотели?

– Мы хотели бы подробности узнать.

– М-м... давайте поступим так: сейчас у меня люди, а вечером я вам позвоню и мы договоримся о встрече, идет? Как вам позвонить?

Василиса бойко продиктовала номер, на том и расстались.

– Вот видишь, какие молоденькие девочки работают, а ты все боишься, что у нас ничего не получится, – выговаривала она Люсе всю дорогу.

Подруга только согласно кивала. Вообще, Люсе сейчас не хотелось спорить, вчера они с Василисой улеглись спать около пяти утра: пока со старушкой провозились, потом с Ольгиной квартирой, потом, опять же, чаевничали до первых петухов. А из постели Васенька вытолкала Люсю раньше десяти, поэтому ни о каком расследовании думать не хотелось, а хотелось спать.

– Люся! Ты совсем меня не слушаешь! – обиделась вдруг Василиса. – Я же тебе говорю: давай прямо сейчас зайдем к соседям Дарьи Семеновны.

– А кто это – Дарья Семеновна?

– Здравствуйте! Это та старушка, которая не дождалась тебя с документами. У которой приключился пожар и... Люся! Да ты спишь, что ли?

– Знаешь, Васенька, ты сходи сама, а я – домой. Что-то мне нездоровится – голова побаливает, поясницу ломит, давление... Простуда, наверно.

– Да нет, это старость. Типичные старческие симптомы, – деловито объяснила Василиса, заботливо беря подругу под руку и сбавляя шаг.

– Вася! Ты так плетешься, с тобой ни к какой Дарье Семеновне не поспеешь. Шевелись, Васенька, шевелись, а то прямо уснула на моей руке.

Они еще не придумали, в каком образе явиться перед соседями погибшей старушки, а судьба за них уже позаботилась. Прямо возле нужного подъезда шумела нарядная толпа, встречали жениха с невестой. В подъезде гуляли свадьбу. Свадьба – это был конек Людмилы и Василисы. Продолжительное время они работали в фирме «Улыбка» и зарабатывали тем, что проводили самые разные торжества. Проще говоря, Василиса выступала в роли тамады, а Люся – музыканта. Поэтому теперь любой праздник подруги могли организовать, что называется, с бегу. На их счастье, профессионального тамады на свадьбе у соседней Дарьи Семеновны не наблюдалось. Очевидно, родители решили обойтись своими силами, и теперь толпа галдела возле подъездных дверей, а испуганные, молоденькие свидетели не знали, как справиться с этим нашествием. Василиса поправила свои поредевшие локоны и вдруг, взмахнув руками, заголосила:

– А кто у нас лебедин?

А кто у нас молодой?

Женишок наш лебедин...

Приглашенные шарахнулись в сторону. Жених и невеста тоже пооткрывали рты, видя, как высоченная баба, точно мельница, размахивает руками и не умолкая триндит брачные заповки. Рядом топталась маленькая остроносая женщина, прихлопывала в ладошки и верещала куплеты с еще большим энтузиазмом. По всему было видно: женщины свое дело знали.

– Это Катенька с Лешей женятся, правильно? – не меняя мотива, пропела Василиса, пританцовывая возле пухлой бабенки.

– Нет, Леночка с Игорем, – ответила женщина, по-видимому, мать невесты.

– Значит, мы по адресу. Нас заказали друзья Леночки и Вити, – моментально сориентировалась Люся.

– Игоря, – поправила пышка.

– Я так и сказала – Леночки и Игоря. Не волнуйтесь, за все уплачено.

– Но... Их друзья вас не могли заказать, они терпеть не могут наемных шутов.

– Женщина, что вы от меня хотите?! – вконец оскорбилась Василиса и уставилась на женщину взглядом налогового инспектора. – Не мешайте нам работать! Я же вам русским языком объясняю, что ваши друзья всегда несут чушь. Мы можем и уйти. Только вам надо заплатить неустойку.

Женщина тут же принялась интенсивно улыбаться и пришепывать:

– Нет-нет, что вы! Мы сами-то очень ценим народное творчество. Пусть и молодая сразу привыкает к бабьему вою. Продолжайте, никто вам мешать не будет... Раз уж без вас никак...

Василисе пришлось успокоиться, и она направилась к гостям, а хозяйка облегченно вздохнула: теперь свадьба была в руках профессионалов.

Пока молодожены с нарядным эскортом поднимались по лестницам, кто-то уже притащил Люсе баян, после чего толпа ввалилась в комнату уже с музыкой. Первые полчаса Василиса добросовестно накачивала гостей водкой – ей нужны были говорливые свидетели.

– Я пью сейчас за молодых! Да здравствуют невеста и жених! – выкрикивала она лозунги, щедро наполняя рюмки.

Не успевали гости осушить по первой, как зычно раздавался новый тост:

– Чтоб было счастье молодым,
Давайте все уьемся в дым!

Присутствующие соглашались, а Василиса заливалась соловьем. Уже никто не вникал в смысл ее слов, да она и сама перепутала все на свете и сейчас выдавала тосты, так сказать, «из избранного». В данный момент Васенька со слезами на глазах пила за маму невесты, еще довольно молодую женщину. При этом она с пафосом декламировала стихи, посвященные явно семидесятилетию какого-то прежнего клиента.

– Я пью за маму невесты! Какой она человек!
Пусть за плечами семь десятков лет,
Но он так молод, хоть местами сед!

Матушка новобрачной возмущенно хлопала покрашенными ресницами и собирала губы сердечком, но ее гнева не замечали. Наконец, Люся яростно рванула меха, и все повскакали с мест, пускаясь в пляс. Теперь Василисе можно было и отдохнуть, вернее, заняться настоящей работой. Она выскользнула на кухню и подошла к хозяйке – матери невесты, которую звали Ниной Павловной.

– Нина Павловна, а вы давно здесь живете? – начала она издалека.

– Да уж лет пятнадцать. Да какое это житье? Разве же это житье? Вон у нас в пятьдесят восьмой даже старушка от такой жизни скончалась. Прямо в пожаре задохнулась.

– Разве она задохнулась? Я слышала, ее убили...

– Слушайте! Вы нам праздник не портите! У нас свадьба, а вы про похороны.

– Извините... А кто-нибудь из соседей у вас на свадьбе присутствует?

– А как же! Из пятьдесят второй Анжела Сидоровна и Леонид Феофанович Ныркины. Очень положительные люди, Леночку мою, невесту, любят до безумия. Роман Петрович, опять же, Батонов из пятьдесят пятой. Вон тот, видите, который пельменями жонглирует.

– Так у него всего один пельмень.

– Правильно, остальные он уже слопал. Причем не только в своей тарелке. У него сейчас пост – с женой разошелся. Вы, если хотите про похороны поговорить, сразу к нему обращайтесь. Очень веселый человек, сейчас на кладбище работает, надгробья сторожит.

Батонов Роман Петрович был мужчиной лет пятидесяти, поджарым и довольно экстравагантным. Он то и дело кокетливо закидывал парочку уцелевших волос на блестящую лысину и коварно поглядывал на дам мутным глазом. Не заметить этот персонаж было невозможно: его рубаха – красная в мелкий белый цветочек – знаменем алела среди черных костюмов остальных мужчин. Однако подойти к нему было непросто – этот гость, съев уже все пельмени, теперь прочно приклеился к Люсе. Просил ее сыграть а капелла Бетховена из Седьмой кантаты Чайковского. Василиса присела к Анжеле Сидоровне.

– Какая замечательная свадьба! – льстиво заулыбалась она. – Вы ведь хорошо Леночку знаете, столько лет прожили в одном подъезде.

– Ленку-то? Да кто ее не знает? Вся округа через этот подъезд прошла. Да ведь она уже второй раз замуж-то идет! Ох и везет девке! Только и таланта, что юбкой вертеть, а ведь какого мужика оторвала! Деньги хорошие зарабатывает, не пьет, сирота...

– Скажите, а почему Дарью Семеновну не пригласили? – видимо, спьяну брякнула Василиса.

– Так она сейчас не может, она же умерла на днях, – охотно пояснила Анжела Сидоровна.
– Что вы говорите! Вот несчастье. Да и как же такое случилось? – заохала тамада.
– А чего вы хотите? Старенькая уже была, да еще и по голове кто-то ударил. Милиционеров целая стая была, так вот они и говорили. Не мне, конечно, промеж себя. Да я специально по лестнице ниже спустилась, чтобы лучше было слышать.

– Ну-ну?

– Ничего не «ну-ну», так и сказали: «скончалась от удара по голове тупым предметом». Ну а потом уже кто-то постарался, квартиру поджег, чтобы людей убитым трупом не испугать, – поясняла Анжела Сидоровна.

– Благородный поступок, – в тон ей покачала головой Василиса. – А Дарья Семеновна одна проживала?

– Одна. Сын вроде имеется, но проживает неизвестно где. Даже не знали, куда ему сообщить о смерти матери.

– А квартира? Кому квартира перейдет?

– Как кому? Государству! Она ведь никакого завещания никому не писала. Вот вы мне скажите, неужели нельзя было квартиру на соседей переписать, а? У меня, например, сын вот-вот женится, угол бы ему не помешал. Так нет, ни себе, ни людям.

– Да, непродуманно вышло...

– Да у нее все непродуманно! – вдруг осерчала соседка. – Ведь вы представляете, умереть, когда в доме пожар! А если бы огонь на наши квартиры перекинулся? Ладно, вон Ромку Батонова пожарники затопили, он под Дарьей Семеновной живет, а если бы нас?

– А скажите, кто-нибудь приходил к вашей соседке? Гости или друзья?

– Ха! А то нет! У бабки же проходной двор был, а не квартира! То она чем-то торговала, то у нее кто-то квартировал, то гаданьем занималась. И захочешь, а всех не упомнишь. Давай уже выпьем за Дарью Семеновну. Горько!! – завизжала Анжела, и Василиса поняла, что больше беседа у них не сладится.

– Люсь, сворачивайся, давай домой, нам же позвонить должны, – толкнула она в бок раскрасневшуюся подругу, которая, по всему было видно, и не собиралась вспоминать, что должна звонить Кадецкая.

– Вы, дамочка, напились, так ведите себя прилично, – неожиданно встал в позу краснорубашечник Батов. – Оставьте мою даму в покое и не смейте ее тыкать своим грязным пальцем.

– Люсь, поднимайся! – шипела Василиса.

– Васенька... Я не могу. Это жестоко – оставить людей без песен в такой день, – наивно лепетала Люся и украдкой косилась на Романа Петровича. – Ты иди... Ведь и в самом деле звонить должны, а я попозже... сама...

– Ты в своем уме? Хотя да, в своем... Люся, по одному ходить опасно!

– А мы по двое пойдем! – браво выпятил костлявую грудь господин Батов. – Я сегодня ангажирую эту даму! В смысле провожаю!

– Иди, Вася, ну что я – маленькая? – покраснела Люся и зашептала подруге на ухо: – Когда он пойдет меня провожать, я его про Дарью Семеновну расспрошу.

– Ну смотри, как знаешь, – фыркнула Василиса и улизнула домой, не попрощавшись.

Люся опомнилась, когда время перевалило за полночь. Ряды гостей заметно поредели, невеста с женихом уже давно куда-то подевались, и сама хозяйка сладко похрапывала в соседней комнате. Зато ее муж, крепенький голосистый мужичок, через каждую минуту подскакивал и зычно кричал:

– А теперь по полной за здоровье внуков!

Судя по заплетающемуся языку, сегодня он обеспечил здоровьем всех потомков до десятого колена. Люсю долго не отпускали, буквально висели на ее руках и лезли целоваться, но баянистка была несгибаема. Провожал ее, конечно же, Роман Петрович. Они шли по весен-

нему ночному городу, пахло свежей зеленью, где-то слышалась музыка, и Люся тихо задавала вопросы кавалеру о трупке Дарьи Семеновны.

– Когда нашли убитую вашу соседку? Вы при жизни хорошо ее знали?

– Да, я знал ее. Но не только ее одну... Помнится, у меня случилось одно прекрасное знакомство... У нее было замечательно редкое имя – Манефа Венедиктовна. Я с ней...

– О Манефе потом, – пресекла полет его воспоминаний Люся. – Неужели вам нечего сказать про Дарью Семеновну?

– Господи, ну почему же нечего! Конечно, есть, только это... как бы выразиться... другое чувство... К Манефе была пылкая страсть, а к Дарье Семеновне так, соседские чувства, ничего более. Это не весенние воспоминания.

– Ну что же, мне теперь до зимы ждать, чтобы вы вспомнили? Расскажите, меня последнее время интересуют исключительно соседские чувства.

– Ну... к соседке у меня были только чувства благодарности. Она спасла моего сына.

– Спасла? Как это? С ним что-то стряслось?

– Да, с ним случилась совершенно жуткая вещь – пришла повестка из военкомата.

– И?

– Надо было проходить медкомиссию, сдавать анализы... Вот Гошка и обратился к бабе Даше. Та ему свои дала.

– Вы издеваетесь, да? – взвилась Люся. – Как это свои?

– Обыкновенно. Надо было мочу нести...

– Я уже знаю такой анекдот! Такого в жизни не бывает!

– А я вам говорю, бывает! Кстати, вам не кажется, что за нами кто-то крадется? Нет? Так вот я вам рассказываю – что уж бабка ему дала, никто теперь не знает, но парня врачи признали к службе непригодным. И, надо сказать, до сих пор по кабинетам таскают. А парень здоров, как племенной бык! У меня и жена на той же почве свихнулась. «Вот, говорит, Гоша из-за той урины теперь с нами, жив и здоров. Я, говорит, слышала, что очень многие ее внутрь принимают, нам это тем более будет полезно!» И стала пить!

– Каждый человек делает что хочет, – мудро высказалась Люся.

– Так я-то не хотел! А она меня заставляла! И знаете, что придумывала? Продукт этот она мне в пиво лила! Поди там разберись. У меня и лысина от этого образовалась. Я не мог больше вынести такого зверства, и жена меня бросила.

– Ну и при чем здесь чувство благодарности к соседке? – недоумевала Люся.

– Да кто там за нами все время крадется? – оглянулся Батов. Затем с энтузиазмом продолжил: – Так вот, за этот развод я готов бабе Даше ноги целовать! Хотя нет, сейчас уже не готов... Я один остался в двухкомнатной квартире, йогой стал заниматься! Вы, Люсенька, не поверите, я в любой морской узел сейчас завязаться могу!

– Главное, чтобы потом еще и развязаться смогли. И все же, давайте поговорим о Дарье Семеновне. Как ее фамилия, кстати?

– Зайцева. Но давайте лучше я вам про Аделаиду Владимировну расскажу. Такая женщина!!

С большим трудом Люсе удалось все же вытянуть из ветреного провожатого некоторые сведения. Пострадавшая жила одна, сын где-то был, но его уже несколько лет не видела даже сама Зайцева. Занималась бабуля чем придется, и вокруг нее постоянно крутились люди разных возрастов и национальностей. В целом была улыбочива, доброжелательна и врагов не имела. Во всяком случае, никто даже не мог себе представить, как бы она с кем-то поссорилась. Вот, пожалуй, и все. Больше провожатый ничего путного не мог сообщить.

Возле своего подъезда Людмила Ефимовна зачем-то вспомнила о девичьей чести и шустро засемила вверх по ступенькам.

– А вы дальше не ходите, – обернулась она.

– Но как же, Людочка, а чай? – упавшим голосом спросил Батонов.

Чай ему бы и в самом деле не помешал – на дворе было еще не лето, а жалкую грудь прикрывала только кумачовая рубашка. Щеки кавалера приобрели лиловый оттенок, над верхней губой подозрительно блестело, и бравый ухарь не переставал шмыгать носом. И все же запускать в дом мало знакомого мужчину, к тому же когда в районе такой падеж престарелых дам...

– Нет-нет, Роман Петрович, мы еще так мало знакомы, – жеманно тараторила Люся, двигаясь к своей двери.

Провожатый еще раз хлопнул носом, гордо забросил жиденькую прядь на лысину и обиженно удалился. Люся, чертыхаясь, искала в сумке ключи: будить Василису не хотелось...

И вдруг внизу послышались шаги. Это были твердые шаги, уверенные и быстрые. Нет, не зря, выходит, Батонову кто-то мерещился. Людмила плюнула на приличия и нажала на кнопку звонка, а затем, уже не сдерживаясь, забарабанила в дверь кулаками. Однако все было бесполезно. Васенька способна спать даже на полигоне. Между тем шаги приближались.

– Вася!! Немедленно открой!! Сейчас я буду пятой старушкой, слышишь?!!

– Не ори так, соседей разбудишь. Сейчас открою. Свои ключи иметь надо, – ворчливо донеслось откуда-то снизу. По лестнице поднималась недовольная Василиса. – И что ты только нашла в этом красногрудом дятле?

– Васенька, – выдохнула Люся. – А ты... Что ты делаешь на улице? Так поздно нам Пашка ходить не разрешает.

Василиса впустила подругу, и Людмиле пришлось выслушать коротенькую лекцию о женской дружбе, верности и чести. Конечно, Василиса Олеговна не могла бросить подругу одну в незнакомом районе. И, чтобы скоротать время, она попросту вскрыла опечатанную хлипкую дверь старушки. Пока безответственная Люся упивалась легким флиртом и гуляньем, она осмотрела комнату. Пожар навел в ней свой порядок, и все-таки следы ухоженности можно было различить. Старушка не была неряхой, не была пьяницей и старалась в доме поддерживать обстановку соответственно времени: в коридоре остались клочки еще не старых, довольно дорогих обоев, на полу обгорел не весь красивый линолеум, и ручки на дверях были не самые плохие. Конечно, ничего более значительного Василиса не нашла. Это и понятно: здесь уже побывали братья по разуму, то бишь оперативники. Так ничего и не обнаружив, Василиса хотела было уже незамеченной выскользнуть из квартиры, но не тут-то было. На ступеньках, прямо возле дверей Дарьи Семеновны, облюбовала себе местечко парочка влюбленных подростков.

– Ты Светку любишь? – выпытывала юная чаровница у своего сердцеда, не подозревая, что их могут слышать посторонние уши.

– Не-а, – лениво отвечал парнишка. – Она все время надо мной смеется.

– А Ритку? – не успокаивалась девчонка.

– У-у, у нее нос острый и характер вредный.

– А Маринку?

«Да что же она оптом-то не спросит?» – нервничала под дверью Василиса. Прошло добрых полчаса, пока не выяснилось, что паренек равнодушен ко всем, кроме собеседницы. Несчастная Василиса подумала было, что наконец-то ее заточению придет конец. Однако у молоденькой кокетки вопросы не кончались.

– А почему ты со мной решил ходить?

– Ну... это... потому что... – жеманился парень, потягивая пиво.

Терпение у Василисы лопнуло, и, прикинув к замочной скважине, она четко произнесла:

– Потому что другие не пошли.

Только после этого молодежь словно ветром сдуло. Василиса Олеговна ловко выскочила из квартиры, и вовремя: приглашенные на свадьбу уже расходились. Почти не пришлось торчать на верхнем этаже, поджидая подругу, ее голос она услышала сразу. Боясь помешать зарож-

дающимися чувствам, Васенька не стала приближаться, а кралась за подругой и ее воздыхателем за деревьями. В отличие от Люси вечер ей жутко не понравился: отработали как каторжные, никто даже спасибо не сказал, ничего не узнали, да еще и важный звонок пропустили. А все из-за Люсенки. Поэтому сейчас бедная Люся терпеливо сносила насмешки и нравоучения обозленной Василисы.

– Вот уж не думала, что твой идеал мужчины выглядит так жиденко, – ехидно усмехалась неблагородная подруга.

– Он совершенно необыкновенный, он в морской...

Женщин прервал телефонный звонок.

– Алло! – рявкнула Василиса и тут же сладостно заулыбалась. – Да, мы только что вошли, на свадьбе у друзей, знаете ли... Волновались?.. Нет, все хорошо... Да! Да, поняла... Не переживайте, мы обязательно будем.

Василиса аккуратно положила трубку и с блаженной улыбкой развалилась в кресле. Прямо на ее впалом животе немедленно устроился Финли.

– Вася, кто это был?

– Я не сказала? Это была Кадецкая Ирина Григорьевна. Она очень за нас волновалась: уже несколько раз звонила, а к телефону никто не подходил. Ну что я тебе, Люсенка, скажу... Завтра у меня с ней встреча, – тоном усталой бизнесвумен заявила Василиса.

– Что значит – у тебя? А я?

– А ты, вероятно, будешь ворковать с этим... с Буханкиным.

– Батоновым, – обиженно поправила Люся.

– Я все время путаюсь в хлебобулочных названиях, извини.

– Ты хочешь меня обидеть, да? Тогда я сейчас ка-а-ак начну громко ругаться, и у тебя к утру будет целая куча неприятностей. Хочешь?

– Нет, – струсила Василиса. – Мир?

Утром Василисе пришлось подняться, когда еще не было и восьми: пришла невестка Лидочка с детьми и, извиняясь, защебетала:

– Василиса Олеговна, выручайте. Надо срочно с малышкой в поликлинику, а девочек оставить не с кем. Я буквально на часик.

– Иди, конечно, посижу с радостью, – успокоила ее свекровь, и невестка умчалась.

Внучки – Наденька и Катюша – были послушны и особенных хлопот не доставляли. К тому же ветреная бабка не так часто баловала их своим занудством, и теперь в ней зашевелились укоры совести. Вообще-то Василиса очень любила внучек, и в те редкие минуты, когда Лидочка решалась оставлять девочек с ней, бабушка всецело занималась их развлечением. Другое дело, что потом бедной невестке приходилось два-три часа прибирать разбросанные свекровью игрушки. Но когда Наденьку с Катюшей приводили к бабушке в гости, Василиса была по-настоящему рада.

– Вы утром завтракали? – спросила она.

– Еще нет, но мама недолго будет, мы не проголодаемся.

Бабка не стала ждать прихода матери и таинственно предложила:

– Если вы не сильно будете шуметь, я приготовлю вам кашу, которая называется «Секрет красоты». Только, пожалуйста, не разбудите бабу Люсю.

Девочки послушно помотали головками и потопали в комнату, а Василиса отправилась к плите. Руки занимались своими делами, а голова обдумывала предстоящую встречу.

Ирина Григорьевна была первым профессионалом в деле отлова преступников, кто решил серьезно поговорить с подругами. Выглядеть перед ней обычными паникершами не хотелось. Кадецкая должна была понять, что обстоятельства смерти несчастных старушек интересуют подруг не из неуместного любопытства. Тем более этот интерес не диктуется паническим страхом. И ведь не расскажешь же, что в этом деле замешана Люся. Что подруга как-то с этим

связана, Василиса не сомневалась. Только бы еще узнать – каким боком. Явно Людмилу Ефимовну хотели подставить в случае с Дарьей Семеновной. Не удалось, тогда уже действовали наверняка: подложили труп следующей старушки. Но кто мог знать, что Люся ходит к дочери? Кто-то из близких? Ерунда, у них нет таких знакомых, которые пошли бы на подобный шаг. Не было даже примерных подозреваемых, даже предположений. И поэтому Василиса боялась за подругу так, как еще никогда и ни за кого. И еще она знала: за Люсю взялся какой-то серьезный и страшный противник, который не остановится ни перед чем. И это было страшно. Однако ничего этого нельзя было рассказать милой молоденькой Ирине Григорьевне. Вот и хотелось бы, чтобы Кадецкая сообщила им нечто такое, что могла рассказать только сотрудникам. Но опять же, стать ее коллегами – это явно попасть под диктат и строгий контроль: туда не ходить, этого не делать. Только скажи, что ты роешься в этом деле, как тебе поставят такие рамки, в которых ни одно преступление не раскроешь. Самый идеальный вариант – держаться от Кадецкой на дружеском расстоянии. Хотя еще не известно, что она им скажет.

Каша уже была готова, и Василиса позвала внучек к столу.

– У-у, это обыкновенная овсянка, – разочарованно протянула Наденька. – Нам такую мама каждый день варит.

– А вот и нет. Я в свою кашу волшебное слово добавляю. Съедите – и сами увидите.

Дети быстро заработали ложками.

– Я уже съела, а красоты нет, – протянула Катюша.

– Пойдем, – повела Василиса девочку в ванную. Там ополоснула ей лицо, заплела затейливую косу, а вместо банта завязала Люсину легкую косынку ядовитого лимонного цвета. Наденьке достался шифоновый шарф Василисы. – Ну? – крутила она девчушек перед зеркалом, малышки только восхищенно поглядывали на свое отражение.

К моменту, когда вернулась невестка Лидочка, девочки сидели перед телевизором, словно подарочные куклы, и боялись шелохнуться, чтобы не испортить красоту.

– Спасибо, Василиса Олеговна. А нас без очереди пустили.

– Уж скорее бы сестренке можно было кашу есть! А то ведь на нее, отворотясь, не насмотришься, – снисходительно высказалась Катенька в адрес новорожденной. Сделав такое заявление, она величаво качнула бантом и томно позвала: – Надежда, пойдем на воздух, здесь такая духота, скоро вспотеем.

Бедная Лидочка на минуту оторопела, потом мельком глянула на себя в зеркало и устремилась догонять детей.

Теперь можно было снова бухнуться в кровать и досмотреть прерванный сон, но заворочалась Люся и полусонная поплелась в ванную. Через секунду оттуда донесся ее испуганный вопль. Василиса вскочила и кинулась на помощь. Что случилось, она еще не знала, но, судя по оглушительным крикам подруги, нечто кошмарное. В ванной на нее набросилась Люсенька.

– Это ты специально, да?! Чтобы на меня ни один Батонов больше не смотрел, да?! – верещала она и мутузила подругу в область солнечного сплетения – выше не доставала. Василиса онемела: лицо Люси было раскрашено, как пасхальное яйцо!

Красные брови простирались до висков, ярко синели полукружия теней, скулы украшали аккуратные малиновые кружочки, а все остальное место на лице занимал рот. Весь макияж был выполнен фломастерами, и Василисе не пришлось долго думать, чем же занимались притихшие внучки, пока она готовила кашу красоты.

– Люся, приходили девочки – Катенька и Надя, а ты спала такая бледненькая, серенькая... Девочки решили внести немного красок. Ну что с них взять – дети.

– Красок?! А теперь я похожа на взбесившегося глухаря!

– А если судить по рту, так больше на акулу... Я хотела сказать: сравнения всякие можно найти, но ведь главное – душа.

– Конечно, стоит на меня взглянуть, и сразу станет ясно: душа болеет. Я вся прямо душевнобольная, – уже тихо шмыгала носом Люся.

Василиса молча принесла ей кота и сунула на колени. Финли обладал удивительной способностью успокаивать нервы. С «красотой» удалось расстаться только к вечеру. Приведя наконец себя в достойный вид, подруги направились на встречу с Кадецкой Ириной Григорьевной. Она поджидала их в небольшом кафе, которое раньше называлось просто кулинарией. Еще шагов за сто, превратившись в степенных дам, они прекратили легкомысленно улыбаться, переругиваться и семенить. Впервые подруги шли на сотрудничество с настоящим, государственным сыскарем. Конечно, Кадецкая хотела предложить им именно это, иначе зачем было бы назначать встречу невесть где.

Глава II

ЗАГАДКИ ДЛЯ «КУРИНЫХ» МОЗГОВ

– Здравствуйте. Кадецкая Ирина Григорьевна. – Следователь протянула для приветствия узкую и крепкую ладонь.

– Василиса Олеговна, – проникновенно произнесла Василиса. Люся тоже хотела представиться, но подруга продолжала: – Давайте не будем терять время на лишние слова, перейдем сразу к делу. Нас очень тревожит то обстоятельство, что в районе кто-то беспрестанно убивает беззащитных старушек. Мы возмущены, негодуем и, прямо скажем, решили всерьез заняться этим делом.

– Вы?! – поползли вверх брови Кадецкой, но она успешно взяла себя в руки. – Извините, не удержалась. Просто не совсем привычно, когда старики так бесстрашно идут на риск.

– Мы не старики и даже не старушки, – встрепенулась Люся. – Вернее нас называть просто опытными женщинами.

– Я не хотела вас обидеть, поверьте. Еще раз извините. Итак, вы хотите самостоятельно раскрыть преступление... – потемнела лицом Кадецкая. – Это будет непросто. Боюсь, что в этом деле одного вашего опыта маловато. Нужна точная информация, техника, да и просто люди. Не истолкуйте мои слова превратно. Я совсем не запрещаю вам искать убийцу, напротив, считаю, что вы можете существенно облегчить работу профессионалов. Хочу даже предложить вам помощь. Могу вам доставлять любую информацию, которая потребуется. В разумных рамках, естественно. А вы будете мне раз в неделю сообщать, какие у вас успехи. Согласны?

– Конечно! – радостно подпрыгнула Люся.

– Только скажите, Ирина Григорьевна...

– Можно просто Ирина, – махнула рукой Кадецкая.

– Так вот, Ирина, а вам это зачем? – недоуменно уставилась на нее Василиса. – Насколько мне известно, ваше начальство не слишком приветствует такое кураторство.

Ирина опустила голову и стала нервно рыться в сумочке. Достав пачку сигарет, она нервно закурила и сощурилась от дыма.

– Первой, кого убил этот мерзавец, была моя мать... Надеюсь, теперь ясно, почему я хочу его отыскать любыми путями и как можно быстрее. Только, видите ли, у правоохранительных органов частенько бывают связаны руки целой кучей запретов.

А найти его надо, и это получается быстрее, если не придерживаться никаких правил. Со злом нужно бороться его же оружием. А у вас – полная свобода действий. Так что – держайте, чем смогу – помогу.

– Нам нужны данные последних двух жертв, – деловито проговорила Василиса. – Имена, фамилии, где живут... жили.

– Я знала, что они вам понадобятся. Вот. – Ирина протянула подругам листок. – Здесь, кстати, сведения обо всех жертвах. На всякий случай.

Люся выхватила бумагу и сунула в сумочку. Ей совершенно не хотелось выглядеть бесплатным приложением к Василисе, а подруга, как назло, не дает слова вставить.

– Что-нибудь еще? – спросила Кадецкая.

– Есть у вас какие-нибудь первые предположения? – опять взяла инициативу в свои руки Василиса.

– Пока сказать сложно. Единственное, что известно точно, так это, что убивали не с целью ограбления. А над остальным... сейчас только и началась самая работа. Думаем.

– Когда мы встретимся с вами в следующий раз? – поинтересовались новоявленные сыщики.

– Через неделю. В субботу. В семь на этом же месте. Вот телефон моего сотового. На работу звонить не следует, это не всегда удобно, а на сотовый, если даже ответить не смогу, перезвоню, когда получится, – на табло останется ваш номер. Что вы намерены делать в первую очередь?

– Да мы уже на сва... – начала было докладывать Люся, но Василиса, уже, верно, в тысячный раз, ее перебила.

– Поработаем над вашим листком, выстроим план работы, а потом, собственно, и приступим. Будем исходить из ситуаций.

Речь Василисы Олеговны была такой четкой, деловой и убедительной, что даже Люся слушала ее с интересом.

– Хорошо, тогда до встречи, – поднялась Кадецкая и прошествовала к выходу.

Подружки, как приклеенные, остались сидеть на месте. «Куры», как называли подруг соседские старушки, получили новую информацию, и надо было всерьез подумать над тем, что делать дальше.

– Женщины, будете что-нибудь заказывать? – ожил вдруг парнишка за стойкой. – Зря места не занимайте.

Люся с Василисой переглянулись. Никого, кроме них, в кафе не было, но парень смотрел с таким высокомерием, что Люсенька закинула ногу на ногу и, отвалившись на спинку стула, промяукала:

– Заказывать? Принеси-ка нам, любезный, по чашечке кофе... да кофе, а не помоев. И парочку пирожных, посмотрим, как у вас кулинария работает.

Сейчас для пущего эффекта надо было выудить из сумки длинную, тонкую сигарету и пустить этому напыщенному официанту струйку дыма, желательно прямо в глаза, чтобы не забывался. Однако дамы, к сожалению, не курили, и Люсенька просто с самым надменным видом качала тощей ножкой.

Парнишка оторопел, потом хмыкнул и принялся накладывать бисквитные кусочки на разовые тарелочки.

– Ну а теперь рассказывай, – откусила Люся сразу половину лакомства, – почему ты меня каждый раз затыкала?

– Понимаешь, эта Ирина такая милая... В ходе следствия появляются подробности, которые родным слышать больно, тяжело, да и просто неприятно. Ей и так приходится с этим сталкиваться по роду службы, вот я и подумала, может, хоть мы оградим ее от лишних переживаний. А что? Сами раскроем преступления, а ей принесем уже готовые факты – вот, мол, получите убийцу, можете растерзать его на куски. А вот и доказательства его виновности. Ты же не против такого благородного поступка? – уставилась взглядом удава Василиса на хрупкую Люсю.

– Я не против, только зря ты мне все эти спагетти по ушам развесила. Сказала бы просто – хочу, мол, доказать настоящим сыщикам, что и мы на что-то способны. Не красней. Если именно нам удастся поймать маньяка, шелчок по носу профессионалам будет еще тот. Я, конечно, не против.

Подруги специально не стали разворачивать листок со списком. Хотелось поразмыслить над ним в тихой, домашней обстановке. К тому же эти дамы отличались вульгарной манерой громко разговаривать, а лишние уши, пусть даже напыщенного юнца-бармена, были сейчас ни к чему. Постепенно, поглотив пирожные и запив их чуть теплым кофе, подружки потрусили домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.